

УИЛЬЯМ МОРРИС

ЗОЛОТЫЕ КРЫЛЬЯ

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис

Золотые крылья

«ЭКСМО»

1856

Моррис У.

Золотые крылья / У. Моррис — «Эксмо», 1856

«Предполагаю, что родился я после сэра Персиваля Галльского, потому что никогда не видел отца, а мать дала мне странное воспитание – не подобающее сыну бедняка, хотя денег у нас было немного и мы жили в уединённом местечке: посреди небольшой пустоши возле реки, сырой и безлесной, на сухих участках которой люди ставили себе домики, я могу сосчитать их по пальцам – всего шесть, один из которых принадлежал нам...»

© Моррис У., 1856

© Эксмо, 1856

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Уильям Моррис Золотые крылья

*Жизнь вещает мне
Слово-два, как во сне,
О том, кто прекрасен и смел,
Сражён был...*

Сэр Персиваль

Предполагаю, что родился я после сэра Персиваля Галльского¹, потому что никогда не видел отца, а мать дала мне странное воспитание – не подобающее сыну бедняка, хотя денег у нас было немного и мы жили в уединённом местечке: посреди небольшой пустоши возле реки, сырой и безлесной, на сухих участках которой люди ставили себе домики, я могу сосчитать их по пальцам – всего шесть, один из которых принадлежал нам.

Кроме того, там была крошечная церковка с вязом и могилами на церковном дворе. Могил... да, могил было много больше, чем возле иных из соборов, которые мне пришлось повидать, потому что неподалёку от нас произошло сражение и убитых хоронили в глубоких ямах к востоку от храма. Но это случилось ещё до моего рождения.

Мне довелось разговаривать со стариками-рыцарями, участвовавшими в той битве; они объяснили мне, что сражались из-за некоей пожилой леди; и в самом деле, даму эту, являвшуюся королевой, потом по собственному желанию похоронили внутри реченной церкви – в самой прекрасной гробнице. Фигуру королевы отчеканили из позолоченной латуни и раскрасили; руки и лицо её выковали из серебра, а волосы – золочёные и уложенные немыслимыми завитками – ниспадали с головы на мрамор.

Странно было видеть золото, медь и мрамор внутри нашей простой капеллы, стоявшей на болотистом лужку возле реки.

И теперь, на Петров день², когда летнее солнце жарит горячее всего, моя мать – хотя в прочие времена она одевается не лучше, чем все соседи, – наряжается в богатые одежды, закрывает ставни на всех окнах и зажигает толстые свечи. Так, словно королева, она сидит до вечера: сидит и трудится у станка, и поёт за работой.

Вышивала она два крыла – золотых на синем фоне.

А вот песен её я не понимал, только знаю, что пела она не на латыни.

А ещё она не велела мне впускать в дом мужчин на Петров день; поэтому в сей праздник я всегда стерёг дверь – вдвоём с нашим гончим псом, огромным и старым.

Но однажды, когда мне было уже почти двадцать, в день Святого Петра, устроившись возле дверей с собакой, я задремал – взаперти было жарко, мать моя пела, – и посему начал клевать носом, хотя пёс время от времени толкал меня, а потом я глубоко уснул и увидел дурацкий сон из тех, какие нередко являются мужчинам. Мне казалось, что мы с матерью по снегу идём к мессе в день Рождества, и матушка моя вместо букета роз несёт за шею живого гуся, а я, рядом с ней, не просто ступаю, но то и дело кувыркаюсь, словно какой-нибудь шут, ни разу не задев головой об землю. У входа в капеллу нас встретил священник, обратившийся к матери со словами:

¹ Персиваль (Парцифаль) – мифический герой куртуазного эпоса из цикла легенд о короле Артуре и его рыцарях. Среди известнейших переработок мифа можно отметить незаконченный французский стихотворный роман Кретьена де Труа и немецкий роман Вольфрама фон Эшенбаха.

² Петров день – день святых апостолов Петра и Павла, приходящийся на 29 июня.

– О, цветущая дама, ваша голова совсем позеленела! Ну да ладно! Пойду начинать службу, только не позволяйте своей маленькой Мэри входить в храм. – Тут он указал на гусыню и отправился прочь.

Потом началась месса, но в самой середине её священник громко сказал:

– Ох, забыл.

И, обернувшись к нам, начал кивать седеющей шевелюрой и белой бородой, попеременно то откидывая голову назад, то опуская подбородок на грудь. Увидев это, мы принялись стучать лбами в стену, стараясь делать это одновременно и в такт его движениям. Наконец, священник проговорил:

– Питер, пришло время дракона!

Тут крыша слетела с храма, и на пол его плюхнулся жёлтый дракон, принявшийся выплясывать, размахивая жирным хвостом и выпевая:

– Ах ты, чёрт, ах, чёрт, ах, чёрт! Ах ты, чёрт!

Я подошёл к дракону и прикоснулся к нему, собираясь сразить, и тут проснулся, обнаружив, что упираюсь ладонью в грудь вооружённого рыцаря. Выбитая дверь валялась на полу, а под ней скулил, умирая, наш пёс Гектор.

Я проспал восемь часов и, пробудившись, ощутил, как ударила мне в голову кровь. За спиной моей негромко звучала таинственная песня матери, и трудно было представить, какая беда может случиться с нами обоими, если своим вторжением рыцарь заставит её умолкнуть. Посему я ударил его левой рукой в лицо, открытое под кольчужным колпаком, а правой, вырвав меч, вонзил остриё прямо под хауберком, так что оно вышло из спины рыцаря. Он упал лицом вперёд и умер.

После – ибо мать моя продолжала петь и работать – я не сказал ни слова, оставил пришельца на месте, поднял дверь и обнаружил, что Гектор уже расстался с жизнью.

Сев на прежнее место, я принялся полировать меч кожаным лоскутом – сперва стерев с лезвия кровь. Через час, должно быть, мать окончила своё дело и, подняв меня с места, поцеловала в лоб и сказала:

– Отлично, Лайонел, ты убил своего заклятого врага, и теперь люди узнают, кто ты есть на самом деле, ещё при твоей жизни, но – увы, о Боже! – после моей смерти.

Тогда я спросил:

– Кто он, мать? Человек этот похож на лорда... Значит, и я лорд?

– Ты – король, – ответила она, – но люди не знают этого.

Склонившись над убитым, она перевернула его лицом кверху, а потом сказала:

– Итак, всё закончилось, правда? Подумать только... Ты нарвался на меч моего сына после всего зла, которое причинил мне и моей родне. Теперь мне следует работать осторожнее, чтобы мёртвый ты не причинил мне вреда... Лайонел!

– Да, мать.

– Подойди сюда; смотри – всё это я вышила в Петровы дни, а иногда и в другие, ночами.

– Это плащ, мать? Для меня?

– Да, но сперва возьми лопату и проводи меня в лес.

Когда мы оказались между деревьев, мать принялась присматриваться, как бы что-то разыскивая, а потом, не отрывая глаз от земли, направилась вперёд со словами:

– Разве не странно, что, зная место, куда мне предстоит тебя привести, как собственный сад, я вдруг испугалась, хотя все эти девятнадцать лет следила за тем, как меняются деревья, преобразая лес вокруг себя... Вот! Мы пришли, остановись.

Мы остановились перед большим дубом, неподалёку от старого бука, и она сказала:

– Лайонел, копай здесь.

Я принялся копать и целый час пробивался сквозь слой корней бука, а мать в каком-то припадке безумия то расхаживала вокруг, что-то приговаривая, то со стоном заглядывала в

яму, то бросалась на землю и крутила ладонями над головой. Однажды она даже спустилась по склону к пруду, заполнившему выемку, из которой прежде брали гравий. Вернувшись назад, мокрая, она посмотрела на меня одичалыми глазами:

– Мне жарко, сегодня чересчур жарко для Петрова дня.

Тут лопата моя ударила о железо; мать вскрикнула, а потом я копал изо всей силы ещё час, и наконец передо мной обрисовался окованный железом сундук из прочного дерева.

– А теперь тащи его наверх, Лайонел... тащи, ради собственной жизни!

Не без труда я вытащил сундук наверх, мать дала мне ключ, и, отперев ящик, я извлёк из него другой, обёрнутый в лист свинца; его я отпер полученным от матери серебряным ключиком и увидел внутри доспех – кольчугу, покрывающую всё тело и связанную из самых мелких колец удивительно тонкой работы, ибо каждое из них имело вид змейки, и, при всей малости их, на каждой можно было различить глаза и чешуйки... Местами кольца были вызолочены, образуя узоры и цветы, блестевшие самым восхитительным образом. Кольчужный колпак позолота покрывала целиком, а шляпки заклёпок украшали красные и синие камешки. Турнирный шлем, в который была упрятана кольчуга, когда я увидел её, тоже блестел золотом; на нём были изображены цветы; цепочка была серебряной, а венчали шлем два золотых крыла. Ещё там был щит, синее поле которого украшали красные камни и два золотых крыла.

На золотой рукоятке меча зеленою и синевою были изображены ангелы, очи же их были сделаны из жемчугов и красных камней, а серебряные ножны пестрели зелёными цветами.

Увидев этот доспех, я понял – мать хочет, чтобы я облачился в него и выехал, не зная страха, оставив её одну, – и бросился на траву, чтобы не видеть этой красоты, ибо она сводила меня с ума, и попытался подумать. Однако в голову мою приходили только мысли о том, что будет: о славе среди дам, радости битвы посреди рыцарей, о почестях, получаемых от всех королей, принцев, народов... и тому подобном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.